

Колдовские
ТАУНЫ

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ПОКА ТЫ ВЕРИШЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш37

Разработка серийного оформления *В. Акулич*

Иллюстрация *С. Дудина*

Оформление *Л. Ласица*

Шевченко, Ирина Сергеевна.

Ш37 Пока ты веришь / Ирина Шевченко. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 608 с. – (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-699-95791-0

После смерти родителей Эбигейл вынуждена жить у дяди – вора и скупщика краденого. Время от времени девушке приходится выполнять сомнительные поручения, и однажды она попадает в полицейскую облаву. Но вместо тюремной камеры Эби оказывается в доме чудаковатого мага, увлекающегося механикой. Удача?

Удача – дама капризная. Попугает рычащим в подвале зверем, подсунет назойливого поклонника, поманит надеждой на счастье, а после отвернется. И придется Эбигейл разгадывать тайну последнего изобретения хозяина, рискуя стать разменной монетой в играх спецслужб.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95791-0

© Шевченко И. С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Все обязательно получится.
Главное, в это верить.
Ведь пока ты веришь,
для тебя нет ничего невозможного.*

ГЛАВА 1

В камере было сыро и душно. От стен несло плесенью, а от бесстыжих размалеванных девиц — дешевыми духами, потом и табаком.

Эбигейл в очередной раз поморщилась и уткнулась носом в рукав.

Угораздило же ее оказаться на улице во время облавы. Теперь попробуй докажи, что ты не с этими, а по своим делам шла.

Да и по каким делам? Не скажешь же, что один вор попросил другому вору записочку снести?

Записку Эби съела. На пустой желудок хорошо пошло. Если оправдаться не выйдет, пусть лучше ее за потаскуху примут, чем все дядькины дела разом навесят. Она ведь никогда ничего — так, письмецо передать или в ломбард что снести. Курта прошлым летом за такое на семь лет упекли. Сказали, пособник, и значит, по всей строгости закона. А со шлюхами, поди, и закон поласковее.

— В первый раз? — спросил кто-то низким прокурренным голосом.

Эби исподлобья поглядела на подсевшую к ней рыжую бабенку, тощую и сухую, что вяленая вобла. Еще и глазища навывкате — ну точь-в-точь.

— В первый.

Разговор заводить не хотелось, но кто знает, как эта рыбина на молчание отреагирует. Шлюхи — народ па-

костный, Эби их в Освине достаточно повидала. Одной еще можно рот заткнуть, а то и послать куда подальше, но когда вместе собираются, лучше не нарываться. А тут их под два десятка набралось.

– Что-то я тебя раньше не видела, – прокашляла рыжая. Взглядом ощупала всю, а платье, судя по жадно блеснувшим глазам, мысленно стянула и на себя примерила.

– Я не местная. Случайно попала.

Слова вырвались сами собой, и Эби поздно поняла, как сглупила: «не местных» освинские красотки на своих улицах не жаловали. Считай, сама «вобле» повод дала, и та его не упустила.

– Ах ты ж курва, – зашипела тут же. – Случайно, говоришь?

И собиралась уже когтями Эби в лицо вцепиться. А лица жалко. И платье новое – бязевое, зеленое, в мелкую полоску: на ткань полгода откладывала, еще неделю на работу потратила. Не снимут, так порвут точно.

Такой развязки Эби дожидаться не стала. Оттолкнула рыжую, кинулась к решетке и вцепилась в прутья.

– Дяденьки, миленькие, помогите! – заголосила на всю холодную. – Помогите, родименькие!

Потаскухи от нее, как от малахольной, шархнулись и в дальнем углу сбились. И «вобла» с ними.

– Чего разоралась? – Толстый охранник подошел к решетке и сердито махнул на Эби дубинкой.

– Помогите, дяденька, – взмолилась она. Глазки сделала жалобные-жалобные и присела чуть-чуть, чтобы на пузана снизу вверх глядеть. Матушка, земля ей пухом, дольше полминуты такого взгляда не выдерживала.

– Чем помочь-то? – потеплел толстяк. Дубинку за спину убрал.

– Заберите меня отсюда, – заскулила Эби. – Я ж ведь не с ними, дяденька. Я себе по улице шла, а тут

налетели, схватили, в фургон затолкали. — Она быстро-быстро захлопала ресницами и понизила голос до шепота: — Они же ведь, сказать страшно, распутные! Смотрите, как вырядились да разукрасились. Нельзя мне с ними в одном месте, дяденька.

Тюремщик отступил на шаг от решетки и поглядел, словно приценивался. Эби хлюпнула носом и потупилась. Пусть себе смотрит. Может, и не красавица, и помяли ее в суতোлке, но с соседками по камере не сравнить. У тех профессия на лбу крупными буквами написана. И не только на лбу: что сзади, что спереди глянь — не ошибешься. А она не такая. Волосы чистые, в косу сплетены и шпильками на затылке подобраны. Зубы крепкие, белые. Ногти ровные, без черных полосок грязи, без кричащего лака. Платье опять же приличное.

— Ладно, — сжалился охранник. — В соседней камере посидишь до утра.

— А утром что? — спросила она робко. Выскочила в приоткрывшуюся дверцу и показала «вобле» язык.

— Суд. Там и разберутся, с этими ты или не с этими.

В новой камере, тесной, темной и еще более душной, чем та, в которой остались развеселые девицы, помимо Эби, сидела только грязная жирная крыса. Она пряталась в соломе под рваным тюфяком, а когда заскрипел засов, выглянула полюбоваться, кто там пожаловал.

Крыс девушка не боялась — эти твари, как и шлюхи, поодиночке не страшны, — но на всякий случай подобрала подол и забралась на лавку с ногами. Свернулась калачиком, прижалась к стене и задремала, игнорируя и недовольное урчание желудка, за весь день получившего только смятую бумажку с дядькиными каракулями, и крики раздосадованных ее уходом потаскух. Утро вечера мудренее.

– Эбигейл Гроу. Три месяца общественных работ!

И никакого разбирательства. Судья лишь мельком глянул в ее сторону и тут же зачитал приговор. А ведь она и историю сочинить успела про то, как к гадалке шла, на суженого погадать, а что в ночное время – так стыдно среди бела дня...

– Не задерживай! – Суровый пристав толкнул девушку в спину. – Следующая!

Эби хотела возмутиться, но вовремя поняла, что, кроме новых тычков и затрецин, ничего не добьется. Для господ-чистоплюев одно то, что она из Освина, – доказательство вины. Раз живет там, значит, либо проститутка, либо воровка. И подтвердить, что она – девушка порядочная, работающая, некому: из всей родни только дядька остался, а у того у самого рыльце в пушку.

Но общественные работы – это не так уж и страшно. Улицы мести пошлют или на вокзал – сортиры драить. Шлюх и попрошаек обычно таким наказывали, да еще малолеток, которые в первый раз на мелком воровстве погорели.

В комнатке рядом с залом суда на Эби надели тонкий браслетик из белого металла.

– Надумаешь сбежать, найдем, – сухо предупредил худой крючконосый мужчина в черной мантии, записывая выбитый на браслете номерок в толстую книгу. – А не найдем, через три дня сама прибежишь.

И так неласково поглядел, что Эби сбегать зареклась. А хоть бы и сортиры. Лишь бы покормили сперва. Девкам в камеру поутру воды принесли и по пайке хлеба, а про нее забыли, хоть ту крысу жри!

От голода уже начинало мутить, и все вокруг виделось как в тумане. Коридор длинный, люди какие-то, все на одно лицо. Всех осужденных вместе с Эби построили в шеренгу и повели куда-то. Кто-то ударил кулаком в спину. Больно, но она смолчала. После на

подол наступили. Девушка обернулась и увидела позади себя давешнюю «воблу».

— Что ж ты вчера так рано ушла, красавица? — прошипела та и погрозила шилом, вытасненным из складок потасканного, как и она сама, платья.

Ткнет в бок — никто и не поймет, что случилось.

Эби шарахнулась от рыжей, вырвалась вперед, отпихнула какую-то девицу, еще одну, вылетела из строя и с разбегу уткнулась носом в атласный лацкан богатого сюртука.

Едва не сбитый с ног господин, солидного вида брюнет лет сорока пяти, вместо того чтобы наорать на нее или оттолкнуть обратно к арестанткам, придержал испуганно сжавшуюся девушку за локоть, окинул цепким взглядом сквозь желтые стекла очков и, задумчиво пощипав себя за бороду, обернулся к топтавшемуся рядом с ним полицейскому.

— Вот эту и возьму.

— Воля ваша. — Полицейский достал связку ключиков, выискал один, сверил с номерком на ее браслете и отдал бородачу. — Пожалуйста, мэтр.

Мэтр? Маг? За свои восемнадцать лет Эби ни разу так близко мага не видела. Зато слыхала об этой братии предостаточно. И ничего хорошего. Хуже их, как дядька говорил, только технари.

— Пошли. — Бородатый кивнул в сторону, противоположную той, куда вели приговоренных к общественным работам проституток.

...О сортирах думалось уже с нежной тоской...

— Идем, как тебя...

— Эбигейл, — тихо представилась девушка.

— Эбигейл, — повторил мужчина и удовлетворенно хмыкнул, словно, окажись она какой-нибудь Сарой или Мартой, его это не устроило бы. — Ну что ж, Эбигейл, карета подана.

Соврал. Никакой кареты и в помине не было. У ступеней окружного суда стояла самоходная повозка, вроде той, что Курт показывал ей как-то на фотографии в газете, и Эби поняла, что жизнь кончена. Ладно бы просто маг. Или просто технарь. Нет, ей попался маг-технарь – существа страшнее по всей Линкарре не сыщешь.

– Забирайся, – приказал бородатый, махнув рукой на заднее сиденье, а сам устроился впереди и схватился за привинченный к длинному штырю бублик.

Самоходка зарычала, забулькало в большом черном котле, и выведенная назад труба со злым шипением выплюнула облачко дыма.

– Я на это не сяду, – попятившись, затрясла головой Эби. Страх перед железным монстром оказался сильнее страха перед его хозяином.

– Значит, следом побежишь, – заявил маг, показывая ей заветный ключик.

Девушка с горестным стоном подобрала юбки, вскарабкалась на подножку и шлепнулась на сиденье. Негромко рычащее чудовище словно только этого и ждало: взвыло, дернулось и с жутким ревом помчалось по улице.

Куда ее завезли, Эби понятия не имела. Во-первых, город она знала плохо: за все три года, что жила с дядькой в Салджворте, видела только порт да примыкавшие к нему улочки Освина. А во-вторых, едва самоходка сорвалась с места, зажмурилась и не открывала глаз до тех пор, пока проклятая махина не остановилась. Только когда повозку перестало трясти и гул двигателя заглох, девушка нашла в себе силы осмотреться.

Она успела придумать жуткую башню посреди заброшенного кладбища и немного удивилась, обнаружив, что оказалась в приличном и, очевидно, не-

бедном районе. Вдоль широкой, гладко вымощенной дороги высились столбы фонарей и росли деревца с шарообразными кронами, тротуары тут шириной не уступали некоторым портовым улочкам, а дома не выходили фасадами на улицу, а прятались за оградами в глубине зеленых подворий.

Жилище мага не было исключением. От калитки в высокой каменной изгороди к небольшому двухэтажному особняку вела посыпанная мелким гравием дорожка, по обе стороны от которой благоухали пестрые клумбы. Мешался с ароматом цветов терпкий запах высаженных рядом пихт. Порхали яркие бабочки. Щебетали птицы. Эбигейл подспудно все еще ожидала чего-то зловещего, а оттого подмечала каждую мелочь. Застывший в отсутствие ветра флюгер на крыше. Аккуратный газон перед крыльцом. Кресло-качалка на открытой террасе, оплетенной побегами дикого винограда и ползучей розы. Уводящая за угол дома тропинка.

Сам дом добротный, кирпичный. Цоколь серым песчаником облицован. Окна высокие. Стекла прозрачные, цельные, никаких тебе мелких переборок. И ставен нет. Только на первом этаже три окна слева от входа за решечены.

Эби подумала, что туда ее и упекут, за решетки, но после дикой тряски, еще и натошак, эта мысль почти не пугала.

– Забыл представиться, – уже на крыльце спохватился маг. – Мэтр Дориан Лленас. Обращайся ко мне «мэтр Дориан». Можно – «господин Дориан». «Господин» или «мэтр», если тебе сложно запоминать имена. Но чтобы никаких «ваше мажество» я не слышал. Ясно?

Дождавшись кивка, мэтр Дориан распахнул дверь. Внутри оказалось не страшнее, чем снаружи.

Перед Эби предстал большой светлый холл. Закрученная пружиной лестница с резными перильцами

светлого дерева, в тон блестящему от мастики паркету, вела на второй этаж. А три массивные двустворчатые двери — неизвестно куда.

— Для начала покажу тебе дом, — сказал маг.

Эби подумала, что для начала неплохо бы узнать, зачем она здесь, и съесть хоть что-нибудь (дверь напротив той, к которой звал ее господин Дориан, определенно вела в кухню, и доносившиеся оттуда запахи заставили желудок сжаться в болезненный комок), но спорить с хозяином она, конечно же, не стала.

— Это гостиная.

Большая. Мебель удобная.

— Здесь библиотека.

Книг видимо-невидимо. Не врут, стало быть, когда говорят, что маги по триста лет живут, — обычному человеку столько за всю его обычную жизнь не прочесть.

— Тут курительная комната и выход на террасу.

Курительная. А почему бы прямо на террасе не курить?

— На втором этаже спальни, — указал маг на лестницу, когда они вернулись в холл, — гардеробная и мини-обсерватория.

Мини... что?

— Тут столовая и кухня.

В животе у Эби заурчало, но мэтр Дориан если и слышал этот звук, значения ему не придал.

— Сюда, — указал он на третью дверь, — без моего разрешения тебе заходить категорически запрещено.

Это туда, где окна с решетками? Ну и не надо!

— Но сейчас я разрешаю.

Маг взялся за круглую ручку и повернул влево. Послышался треск. Затем вправо — снова треск. И опять влево.

— Тут специальный замок. С секретом.

После очередного прокручивания дверь отворилась, и вошедшая вслед за хозяином девушка замерла на пороге.

До сего дня ее знакомство с механизмами ограничивалось старыми напольными часами, стоявшими в дядькиной комнате. По пятницам Эби вытирала их от пыли, страшась задеть тонкие дрожащие стрелки и раскачивавшийся из стороны в сторону маятник, чтобы, не приведи Творец, не сбить выставленное время.

Сейчас ей казалось, что коварный маг уменьшил ее до размера мухи и забросил в те самые часы.

Под потолком просторного зала вращались вокруг большого светящегося шара серебристые сферы разных размеров. А сам зал был уставлен разнообразными устройствами непонятого назначения.

Крутились, цепляя друг друга, зазубренные медные колеса.

Шипели, ерзая туда-сюда, поршни.

Раздувались мехи.

Воздух здесь пропах керосином и машинным маслом, и Эбигейл, с голоду, не иначе, эти запахи показались невероятно аппетитными, едва ли не лучше тех, что просачивались из-под двери в кухню.

И так вкусно булькало что-то в круглой прозрачной посудине...

— Это — моя лаборатория, — сказал маг.

Лаб-ра-тория. Наверху, то, которое «мини», тоже «тория».

Эби почти осмелилась спросить, что все эти «тории» означают, как замороженно блуждающий по механической комнате взгляд встретился с пустыми глазницами белесого черепа. К черепу прилагалось и все остальное. В смысле кости. Длинный хребет. Решетка ребер. Руки и ноги. Вернее, то, что некогда ими было.

Эби медленно сглотнула и поняла, что уже не годна.